

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И КОНЦЕПЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ¹

Михаил Валентинович Масловский
(maslovski@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Масловский М.В. (2026) Современная историческая социология и концепция цивилизационной политики. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 7–23. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.1> EDN: FDDRZZ

Аннотация. Современный цивилизационный анализ представляет собой динамично развивающееся направление исторической социологии. Представители этого направления подчеркивают значение не только цивилизационного, но и имперского наследия в современных обществах. В трудах Й. Арнасона отмечается, что империи во многом зависят от цивилизационных предпосылок. Вместе с тем «имперское воображаемое» могло оказывать влияние на модернизационные процессы. Среди ведущих подходов в исторической социологии империй выделяются концепции М. Манна и К. Кумара. В работах Манна акцент делается на структурных факторах имперской динамики, тогда как Кумар характеризует роль идеологий и представлений об особой миссии империй, что сближает его подход с цивилизационным анализом. В статье рассматривается влияние идей цивилизационного анализа на политическую социологию. Как показывает В. Шпон, различные цивилизационные основания и рамки порождают разнообразные программы политической модерности и процессы политической модернизации. Кроме того, в статье характеризуется концепция «цивилизационной политики» как новый подход к изучению международных отношений. В то же время отмечается ограниченность конструктивистского анализа цивилизационной идентичности и политики. В качестве более продуктивного подхода предлагается сочетание социологического цивилизационного анализа и концепции цивилизационной политики. В заключительной части статьи рассмотрены различные интерпретации роли имперского наследия и оснований цивилизационной политики в России и Китае. В частности, указывается, что в современном Китае конфуцианская традиция дополняет «китаизированный марксизм»; вместе с тем прослеживаются элементы формирования новой цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: историческая социология, империя, цивилизация, модерность, цивилизационная политика, Россия, Китай

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01067-П, <https://rscf.ru/project/23-18-01067-П/>

Цивилизационный анализ как формирующаяся социологическая парадигма представляет собой перспективный теоретический ресурс для изучения интерпретативных рамок развития российского общества. Современный цивилизационный анализ включает разнообразные концепты и модели, совокупность которых позволяет выявлять особенности социокультурных констелляций, складывавшихся в мировой истории, а также их наследие в современных обществах. В центре внимания этого направления — взаимоотношения культуры и власти как двух переплетающихся сфер социальной жизни. Как отмечалось, значительную роль в возрождении цивилизационного анализа сыграла историческая социология империй (Арнасон 2021: 26). Интерес к имперским структурам и идеологиям отражал стремление «вернуть политическую власть» в цивилизационный анализ (Knöbl 2010: 94). Однако при обсуждении этого подхода имперский аспект не всегда учитывался в должной мере.

Понятие цивилизационной политики получило признание в исследованиях международных отношений в 2010-е гг., а к началу 2020-х гг. некоторые зарубежные политологи говорили уже о наступлении «новой волны» в изучении такой политики (Hale, Laquelle 2021). Однако в подобных исследованиях часто не принимался во внимание вклад цивилизационного анализа как направления исторической социологии. Между тем теоретические ресурсы данного направления могут быть адаптированы для изучения различных аспектов цивилизационной политики современных государств. Возможности сочетания подходов исторической социологии с концепцией цивилизационной политики можно продемонстрировать на примере России и Китая. В первой части статьи характеризуются концепции современной социологии империй. Во второй части рассматриваются цивилизационный анализ в политической социологии и концепция цивилизационной политики в исследованиях международных отношений. Третья часть статьи посвящена анализу подходов к изучению роли имперского наследия и процессов формирования цивилизационной политики в России и Китае.

Цивилизационный анализ и историческая социология империй

В 1960–1980-е гг. наступила так называемая вторая волна исторической социологии. Однако на протяжении большей части этого периода социология империй не получила значительного развития, хотя вышедшая в 1963 г. книга Ш. Эйзенштадта «Политические системы империй» рассматривалась как первое со времен классиков масштабное исследование политических структур в сравнительно-исторической перспективе.

Тем не менее существенного влияния на развитие исторической социологии в те годы эта работа не оказала, а ее автора упрекали, в частности, в неспособности увидеть в империях «динамичные и контингентные социальные системы» (Лахман 2016: 96). Вместе с тем имперской тематикой Эйзенштадт занимался до того, как сформулировал свою концепцию цивилизационного анализа. Интерес социологов к истории империй несколько оживился в середине 1980-х гг., когда был опубликован, в частности, первый том книги М. Манна «Источники социальной власти», в которой представлен новый подход к анализу зарождения имперских структур (Манн 2018а).

В исторической социологии обсуждалось соотношение понятий «империя» и «цивилизация». В трудах Ш. Эйзенштадта было продемонстрировано, что «цивилизационные паттерны являлись ключевыми факторами, определявшими форму имперских проектов, традиций и режимов» (Арнасон 2021: 27). Как указывает Й. Арнасон, империи, с одной стороны, во многом зависят от цивилизационных предпосылок. С другой стороны, империя может охватывать несколько цивилизаций. В качестве первого примера рассматривается Римская империя, которая отличалась «греко-римским дуализмом» и в дальнейшем заключила «цивилизационный компромисс» с христианством. Второй пример — империя Цин, объединившая китайскую и центральноазиатскую имперские традиции. Наконец, трансцивилизационная структура была характерна для империй, сложившихся в ходе европейской экспансии, в частности для Британской империи с ее индийскими владениями. В конечном итоге «сравнительная история империй должна отводить соответствующее место их особой мультисоциетальной структуре, не сводимой к структуре цивилизаций, и глобальным притязаниям, которые развиваются по мере их экспансии» (Арнасон 2021: 27). Вместе с тем теоретики цивилизационного анализа признавали необходимость выявления особенностей современных империй с учетом их цивилизационного наследия.

С точки зрения Арнасона, «имперское воображаемое» могло оказывать значительное влияние на модернизационные процессы. Он отмечает роль имперского измерения модернизации, обращаясь в том числе к истории дореволюционной России. По его оценке, стратегия индустриализации, проводившаяся российским государством с 1860-х гг., была во многом обусловлена имперскими амбициями и стремлением восстановить статус великой державы (Arnason 1993: 76). Подобным же образом Й. Терборн использует понятие «реактивной модернизации», обсуждая трансформационные процессы, ставшие ответом ряда государств на внешнюю угрозу со стороны Запада. Такой путь был характерен прежде всего для незапад-

ных империй. Основным примером успешной реактивной модернизации выступает в данном случае Япония после реставрации Мэйдзи, тогда как в Османской империи и империи Цин попытки начать такого рода трансформацию не привели к желаемому результату (Терборн 2015: 96).

С 2000-х гг. имперской тематике стало уделяться больше внимания, что было отчасти связано с ростом влияния глобальной истории. Например, понятие империи занимает значительное место в фундаментальном труде немецкого историка Ю. Остерхаммеля «Преображение мира», посвященном глобальным трансформационным процессам в XIX столетии (Остерхаммель 2024: 139–274). В ряде исторических исследований отмечается, что строительство наций не может быть понято без учета имперского контекста. Это относится не только к периферии, но и к ядру империй. Такой подход рассматривается как совместимый с концепцией множественных модерностей (Berger, Miller 2015: 11).

Важной вехой в становлении социологии империй стала публикация третьего тома книги М. Манна «Источники социальной власти». Этот том охватывает период с 1890 по 1945 г., который характеризуется как «глобализация, раздробленная империями». Опираясь на свою концепцию, Манн сравнивает Британскую, Американскую и Японскую империи (Манн 2018б: 24–178). Как указывает Манн, в конце XIX в. создание империи стало нормальным явлением как для старых промышленных держав, так и для таких восходящих держав, как Япония и США. В целом в своем анализе современных империй он выделяет главным образом роль экономической и военной власти, уделяя больше внимания структурным компонентам имперского правления, чем имперским идеологиям. В анализе Британской империи характеристика идеологической власти фактически ограничивается обсуждением «подъема расизма» (Манн 2018б: 72–76). Кроме того, в другой своей работе Манн использовал концепцию источников социальной власти для характеристики имперских тенденций в политике США в начале 2000-х гг. (Mann 2003). При этом он стремился показать, что «превосходство Америки в сфере военной власти не подкреплено соответствующим потенциалом в других формах власти» (Лакман 2016: 104–106).

Имперские идеологии рассматриваются в работах К. Кумара, посвященных теоретическому анализу соотношения понятий «нация-государство» и «империя». Согласно Кумару, эти понятия обозначают не просто различные идеальные типы, но и две крайние точки на определенном континууме. Реальные государства сочетают в себе элементы обоих идеальных типов, в большей степени приближаясь к одному из них. Вместе с тем империя и нация-государство выступают как различные формы

«политического воображаемого» и как альтернативные возможности, которые открывались перед политическими элитами в зависимости от исторических обстоятельств. В центре внимания при этом оказываются правители империй. В его исследовании выделяется роль имперской традиции, предполагающей ориентацию на предшествующие образцы имперского правления, хотя каждая империя, как правило, претендует на собственную уникальность и исключительность. В конечном итоге Кумар подчеркивает, что империи являлись частью современного мира не в меньшей степени, чем нации-государства. Нет оснований утверждать, что «век империй» сменился «веком наций-государств», а национализм пришел на смену империализму (Kumar 2017: 35).

Для подробного анализа Кумар выбрал пять кейсов: Османскую империю, империю Габсбургов (в двух ее версиях — Испанию с заморскими колониями и центральноевропейскую монархию австрийских Габсбургов), Российскую империю, включая советский период, а также Британскую и Французскую империи. Обращаясь к истории этих государств, Кумар уделяет особое внимание идеологиям и способам саморепрезентации империй, часто основанным на представлении об особой миссии, оправдывавшей их экспансию (Kumar 2017: 6). Такая миссия могла иметь религиозное обоснование, как в случае ислама. В современных империях она приобретала секулярную форму. В частности, Британская и Французская империи ориентировались на глобальные цели, претендуя на осуществление «цивилизаторской миссии». Идея глобальной миссии лежала и в основе советского проекта альтернативной модерности. Акцент на имперских традициях и идеологиях, по-видимому, сближает подход Кумара с цивилизационным анализом в современной исторической социологии.

В целом интерес к теме империи в исторической науке, политологии и социологии существенно возрос в последние два десятилетия. Характерно, что А.И. Миллер, ведущий российский специалист по проблемам имперской истории, предлагает «реабилитировать» понятие империи как инструмент политологического анализа (Миллер 2024а: 82–86). Отмечалось также, что история империй может дать некоторое представление о том, как будет выглядеть «пост-глобальный» или «де-глобализированный» мир (Kumar 2025: 38). В то же время историческая социология раскрывает не только особенности имперских структур, существовавших в прошлые эпохи, но и роль наследия империй в современных обществах. Однако требуется более детальное обсуждение соотношения имперского наследия и цивилизационного фактора в политической жизни современных государств.

Цивилизационный анализ в политической социологии и концепция цивилизационной политики

Современный цивилизационный анализ развивает традицию изучения исторических процессов, восходящую к трудам классиков социологии. Это направление характеризовалось как «культурно чувствительный и исторически ориентированный подход к социальной реальности, восполняющий дефициты традиционного для социологии структурно-институционального способа анализа “модерных” или “модернизирующихся” обществ» (Браславский, Козловский 2021: 151). Опирающаяся на цивилизационный анализ теория множественных модерностей подчеркивает контингентный, противоречивый и даже антиномичный характер современных социальных трансформаций. В то же время, как отмечает ведущий теоретик этого направления Й. Арнасон, в сегодняшнем мире нет «целостных цивилизаций того типа, о котором говорят те, кто предсказывает столкновение между ними или призывает к диалогу, чтобы предотвратить эту угрозу. Но цивилизации в плюралистическом, а не тотальном смысле продолжают жить и после своей смерти, и хотя эта вторая жизнь не такова, как их домодерная траектория, она реальна по своим историческим последствиям» (Арнасон 2021: 83).

В публикациях ряда исследователей обсуждалось значение идей, выдвинутых теоретиками цивилизационного анализа, для политической социологии. Наиболее систематически эти вопросы рассмотрены в работах немецкого социолога В. Шпона, определившего место парадигмы цивилизационного анализа среди направлений политической социологии (Spohn 2010). Как отмечает Шпон, он следует преимущественно версии цивилизационного анализа, предложенной Ш. Эйзенштадтом. Этим во многом обусловлено его повышенное внимание к влиянию религии на политическую сферу. Он характеризует концепцию множественных модерностей Эйзенштадта как наиболее значительную альтернативу неомодернистской парадигме и связанным с ней доминирующим подходам к анализу процессов глобализации (Spohn 2001: 499–500).

Выделяя особенности цивилизационного анализа, Шпон отмечает, что этот подход подчеркивает роль конфликтов в процессе политических изменений, сосредоточивая внимание главным образом на культурных противоречиях, а не на столкновении материальных интересов. При этом особое значение придается влиянию традиций, сложившихся в различных империях и цивилизациях. В целом «различные цивилизационные основания и рамки порождают разнообразные программы политической модерности и процессы политической модернизации. Империи, мировые

религии и региональные экономики как три основных цивилизационных сферы оказывают решающее воздействие на формирование государств, строительство наций, национальную интеграцию, политические культуры, публичную сферу и коллективные идентичности, тем самым способствуя возникновению различных констелляций и траекторий политической модернизации» (Spohn 2010: 60).

В 2010-е гг. внимание ряда исследователей привлекло понятие цивилизационного государства, отражающее «вызов либерально-демократическому превосходству со стороны стремительно растущего Китая» (Therborn 2021: 233). В дальнейшем высказывалось предположение, что цивилизационное государство может превзойти нацию-государство и даже стать типичной формой государства в XXI столетии. Как отмечает Й. Терборн, границы цивилизаций более размыты, чем границы наций-государств, что позволяет цивилизационным государствам претендовать на региональную гегемонию. С точки зрения этого социолога, одно из различий между нацией и цивилизацией связано с их способностью выступать в качестве политических акторов. Как полагает Терборн, это в большей степени свойственно нациям, тогда как цивилизации представляют собой сообщества с общими ценностями и мировоззрениями, но не обладают агентностью (Therborn 2021: 234). Однако не следует преувеличивать способность наций действовать как единое целое, а в рамках цивилизаций могут формироваться разнообразные акторы.

Примером нового цивилизационного подхода к изучению международных отношений выступает концепция цивилизационной политики, которую сформулировал Г. Беттица. Предложенная им исследовательская программа призвана раскрыть процессы и механизмы, посредством которых носители цивилизационного воображаемого «конструируют цивилизации как наделенные смыслом сущности» (Bettiza 2014: 17). Ключевое значение при этом имеет стремление понять, при каких условиях акторы начинают воспринимать международные отношения как междцивилизационные и как изменяется характер взаимодействия между акторами под влиянием подобных представлений. С точки зрения данной концепции, различные формы цивилизационного воображаемого структурируют социальные действия, а также воплощаются в определенных практиках и организационных структурах. В то же время, как отмечает Беттица, цивилизации «социально конструируются», когда люди не только считают себя представителями данной цивилизации, но и получают признание в этом качестве со стороны окружающих (Bettiza 2014: 18–19). Лишь признание со стороны других участников взаимодействия наделяет легитимностью акторов, выступающих от имени какой-либо цивилизации.

Концепция цивилизационной политики предполагает многообразие ее акторов: ими могут быть как государственные, так и негосударственные структуры. В их число входят политические элиты и институты, представляющие страну, в том числе дипломатические ведомства. На наднациональном уровне акторами цивилизационной политики могут выступать международные организации, в которые входят государства, претендующие на общую культурную идентичность. Кроме того, проводниками цивилизационной политики на социетальном уровне могут выступать экономические и культурные элиты, представители которых действуют «в университетах, агентствах новостей, аналитических центрах и фондах, зачастую официально или неофициально связанных с государственными структурами» (Bettiza, Lewis 2020: 566).

С начала 2020-х гг. зарубежные политологи обсуждают так называемую «новую волну» в исследованиях цивилизационной идентичности и политики. Так, Г. Хейл и М. Ларюэль подчеркивают, что цивилизации «являются изменчивыми и гетерогенными, обладают не статичной, но оспариваемой идентичностью, эволюционируют с течением времени и взаимодействуют между собой» (Hale, Laruelle 2021: 599). Эти исследователи рассматривают цивилизационную идентичность как социально конструируемую и изменчивую. По их мнению, представление об особой цивилизационной идентичности получает достаточно широкий отклик в том случае, когда оно «помогает индивидам (как элитам, так и массам) объяснять окружающий мир, а это происходит, если присутствует некоторая степень его соответствия их другим основным представлениям и опыту» (Hale, Laruelle 2021: 600). Представление об особой цивилизационной идентичности может получить признание в обществе при наличии исторического наследия, которое расценивается как цивилизационное. Однако конструктивистский подход в основном не учитывает такого рода историческое наследие.

Современный цивилизационный анализ в исторической социологии можно рассматривать как подход, занимающий промежуточное положение между эссенциализмом и социальным конструктивизмом (Масловский 2025). С позиций этого направления, с одной стороны, цивилизационные констелляции не должны рассматриваться как «культурные монолиты». С другой стороны, цивилизации не следует сводить к их дискурсивному измерению, поскольку современные общества в той или иной степени опираются на цивилизационные основания, которые являются одним из факторов, обуславливающих многообразие таких обществ. Вместе с тем для современного периода характерно не столько обращение к изначальным традициям, сколько их избирательное использование наряду с изобре-

нием новых традиций. С этих позиций могут рассматриваться роль имперского наследия и особенности цивилизационной политики в современных государствах.

Интерпретации роли имперского наследия и оснований цивилизационной политики в России и Китае

При обсуждении значения имперского наследия в современной России неизменно возникает вопрос о возможности использования понятия империи применительно к советскому государству. Как замечает А.И. Миллер, на Западе преемственность между Российской империей и СССР подчеркивалась уже после Второй мировой войны, а в 1990-е гг. к этой теме обратились историки в постсоциалистических странах Восточной Европы. «В этих интерпретациях Советский Союз выступал как реинкарнация бывшей империи, вынужденной пойти на временные уступки национальным движениям, набравшим силу во время Первой мировой войны и революционного кризиса. В последние годы этот нарратив имперской преемственности вновь набирает популярность» (Миллер 2024б: 342). Тем не менее анализ СССР как «последней империи» сталкивался с определенными ограничениями.

С точки зрения Д.Э. Летнякова, понятие империи не позволяет учитывать тот факт, что в послевоенный период значительная часть населения СССР идентифицировала себя с советским народом как «воображаемым сообществом», а советская идентичность не была лишь пропагандистским мифом. Существенным отличием от классического колониализма был модернизационный посыл советской власти, обращенный к национальным регионам. Советская модернизация не просто навязывалась центральным руководством, но фактически являлась совместным делом центра и окраин (Летняков 2018). Как полагает Летняков, в ряде эпизодов советской истории действительно проявлялись имперские паттерны, однако в других случаях понятие империи скорее препятствует адекватному пониманию советской системы.

Характерно, что при обсуждении советской модернизации Летняков ссылается, в частности, на предложенный Т. Мартином анализ СССР как «империи положительной деятельности» (Мартин 2011). К подходу этого американского историка обращается также А.И. Миллер, который в большей степени склонен признавать применимость понятия империи к изучению не только советской системы, но и постсоветского российского государства. В целом, по его мнению, имперский характер государства «сохранился, хотя и трансформировался, не только в период революционного кризиса 1917–1922 гг., но и в период кризиса 1990-х гг.»

(Миллер 2024б: 349). Опираясь на работы политологов Х. Линца и А. Степана, Миллер выделяет такие понятия, как нация-государство, государство-нация и федерация. Однако он полагает, что ни одно из них не является вполне адекватным для описания российского кейса. Более продуктивной, с его точки зрения, была бы «реабилитация» понятия империи.

В работах политологов, обращавшихся к изучению российской идентичности, использовалась модель цивилизационной политики. Так, О.Ю. Малинова проводит разграничение между национальным и цивилизационным, а также между национальным и имперским видением российской идентичности. Она выделяет два аспекта исторической традиции, обусловивших привлекательность понятия цивилизации для российской политической элиты. Во-первых, имперское наследие предоставляет символические ресурсы для выхода за рамки нации-государства. Во-вторых, традиция формирования российской идентичности в противостоянии Европе содержит широкий репертуар идей и символов, позволяющих конструировать идентичность в цивилизационных терминах (Malinova 2020: 29). Как показывают Г. Беттица и Д. Льюис, использование цивилизационного дискурса позволяет политическим элитам артикулировать собственные интересы «не просто в материальных терминах, но как выражение своей внутренней сущности и этически окрашенных мировоззрений» (Bettiza, Lewis 2020: 569). Это дает возможность легитимировать широкий круг внутри- и внешнеполитических действий.

С 2010-х гг. тезис о России как особой цивилизации занимает значительное место в дискурсе российской политической элиты. Отмечалось, что в таком дискурсе понятие цивилизации, как правило, оказывается многозначным. «В некоторых случаях этот термин отсылает к гуманистической, универсалистской традиции описания человеческой истории и мирового прогресса. В других случаях данное понятие отражает культуралистский нарратив в духе Хантингтона» (Hale, Laruelle 2020: 591). При этом использование представителями политической элиты цивилизационного дискурса расценивалось рядом авторов как преимущественно инструментальное (Turoma, Mjør 2020). В исследованиях российского «цивилизационизма» рассматривались как дискурс политической элиты, так и его воздействие на широкие слои населения. Вместе с тем исследовательская программа цивилизационной политики практически не применялась для изучения акторов, не принадлежащих к политической элите.

Влияние цивилизационного наследия на Китай неизменно признается исследователями. Однако вопрос об имперских чертах в политической

жизни этой страны остается дискуссионным. Хотя Китай фактически являлся империей на протяжении двух тысячелетий, термин «империя» стал использоваться для самообозначения китайского государства лишь в самом конце XIX в. В дальнейшем многие исследователи подчеркивали особый, во многом уникальный характер Китая и ставили под сомнение возможность его сопоставления с другими, прежде всего западными, империями. Тем не менее, как показывает К. Кумар, при всех особенностях его исторической траектории Китай может рассматриваться в сравнительно-исторической перспективе в ряду других имперских государств (Kumar 2025: 39). Й. Арнасон выделяет три отличия СССР от коммунистического Китая, характеризуя имперские аспекты их истории. Во-первых, у Китая не было внешней периферии в виде других социалистических государств. Во-вторых, китайская версия альтернативной модерности соединяла собственный имперский опыт с опытом советской модели. В-третьих, Китай «более бережно относился к собственным традициям и более умело комбинировал их» (Титаренко 2022: 86). При этом в Китае был накоплен значительный опыт «экспериментирования с различными идеями и выявления их преимуществ и недостатков в практической политической жизни» (Pines 2025: 132).

С точки зрения Кумара, историю китайского государства как империи следует учитывать в том числе при рассмотрении выдвинутой руководством Китая в 2013 г. инициативы «Пояс и путь». В связи с этим он ссылается на «данническую систему», в соответствии с которой строились взаимоотношения императорского Китая с соседними государствами. Кумар использует, в частности, понятие «точечного колониализма» для характеристики китайских инвестиций в странах Африки (Kumar 2022: 750). Как признает исследователь, пока сложно оценить, к каким глобальным последствиям приведет «Пояс и путь», хотя ему представляются достаточно очевидными «имперские устремления» Китая. По его мнению, в поисках нового места в мире «имеет смысл опираться на двухтысячелетнюю традицию, когда Китай действительно видел себя Поднебесной империей и обладал ресурсами, позволяющими добиться того, чтобы это было не просто фантазией» (Kumar 2022: 756). В целом, как полагает Кумар, «реабилитация конфуцианства и других традиционных учений, по-видимому, указывает на сближение с имперской традицией Китая» (Kumar 2017: 473–474).

Современные исследователи характеризуют возрождение конфуцианства как сложный процесс, участники которого различаются «своей идеологической и политической повесткой и своим пониманием конфуцианства и его сегодняшнего значения» (Pines 2025: 131). Кроме того, следует

учитывать, что конфуцианская традиция пересекается и конкурирует «с альтернативными традициями даосизма, буддизма, ислама, христианства, народной религиозности, атеизма и секуляризма» (Katzenstein 2012: 10). В целом, как показывает Й. Арнасон, «китайские интерпретаторы конфуцианства расходятся в том, какое значение ему следует придавать и какие темы выделять, а зарубежные аналитики обсуждают проблему подлинной преемственности либо искусственного заимствования, но вопрос о конфуцианстве в любом случае остается на повестке дня» (Arnason 2020: 145). Однако ряд исследователей указывает, что в современном Китае наблюдается тенденция к избирательному использованию отдельных идей и понятий, заимствованных из классических философских учений, применительно к текущей политической ситуации. Публикации китайских авторов, например, о конфуцианстве и принципе гармонии «часто основаны на селективном прочтении, которое упрощает и деконтекстуализирует ранние тексты и, что особенно заметно, игнорирует идеи, которые не вписываются в текущую политическую повестку» (Pines 2025: 132). В любом случае классическая традиция выступает лишь одним из элементов нового идеологического нарратива.

В идеологии Коммунистической партии Китая (КПК) используется понятие «социализм с китайской спецификой». Используется также понятие «китаизация марксизма», которое встречалось в сочинениях Мао Цзэдуна, но затем долгое время не получало широкого распространения (Лукин 2023: 73). Более детально разработанная концепция китаизации марксизма была выдвинута на XX съезде КПК в 2022 г. С точки зрения А.В. Лукина, прославление традиционной культуры на съезде отражает стремление предложить альтернативу как западному, так и советскому опыту. «Развитие по пути, основанном на китаизированном марксизме, представлялось теперь более эффективным для применения к китайской реальности, чем эти два пути, и, возможно, даже и для мирового развития в целом» (Лукин 2023: 79). Этому предшествовало выдвижение концепции новой формы человеческой цивилизации, в соответствии с которой китайский народ под руководством КПК открыл собственный путь модернизации и создал новую форму цивилизации. Идея о том, что новый тип китайской цивилизации является наиболее совершенным, «оставляет место для желания популяризировать его и за рубежом, по крайней мере, путем усиленной пропаганды» (Лукин 2023: 92). С позиций социологического цивилизационного анализа также отмечалось усиление тенденции «противопоставлять успехи Китая упадку Запада и указывать на китайский путь как на образец для развивающихся стран» (Арнасон 2022: 105). В целом цивилизационная политика КПК опирается как

на традиционные философские учения, так и на переосмысление марксизма в цивилизационных терминах.

Заключение

Современный цивилизационный анализ подчеркивает роль имперского и цивилизационного наследия в современных обществах. В осмысление этого наследия вносят вклад историческая социология империй и сравнительно-исторический анализ различных цивилизационных констелляций. В настоящее время в исторической социологии империй можно выделить несколько перспективных подходов. Концепции множественных модерностей задают общую теоретическую рамку изучения исторической динамики империй и последствий их распада. Структурные черты современных империй раскрывает модель источников социальной власти М. Манна, а их идеологические особенности — историческая социология К. Кумара. Подходы этих социологов могут дополнять изучение имперских структур и идеологий с позиций современного цивилизационного анализа.

В 2010-е гг. наметился рост интереса к изучению цивилизационной политики, прежде всего в исследованиях международных отношений. В настоящее время в этой области получил распространение конструктивистский подход, который не учитывает в полной мере влияние исторического наследия на формирование политики современных государств. Для преодоления этого ограничения, по-видимому, продуктивно сочетать социологический цивилизационный анализ с концепцией цивилизационной политики. В целом глубоко укорененное цивилизационное наследие может использоваться для разработки государственной политики, но конструирование цивилизационной идентичности требует опоры на такие культурные ресурсы.

В числе современных государств, активно проводящих цивилизационную политику, нередко выделяют Россию и Китай. В обоих случаях имперское и цивилизационное наследие играют существенную роль в формировании такой политики. При этом в России особенно выражено имперское наследие, в том числе советского периода, тогда как Китай, где также сохраняется имперская традиция, обладает более мощным слоем цивилизационного наследия. Тем не менее в современном Китае конфуцианская традиция дополняет «китаизированный марксизм»; при этом наблюдается тенденция к избирательному использованию идей и понятий, заимствованных из классических философских учений. В результате в Китае прослеживаются элементы конструирования новой цивилизационной идентичности.

Литература / References

- Арнасон Й. (2021) *Цивилизационные паттерны и исторические процессы*. М.: Новое литературное обозрение.
- Arnason J. (2021) *Civilizational Patterns and Historical Processes*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).
- Арнасон Й. (2022) Тоталитарный раскол: альтернативные модерности XX века. *Неприкосновенный запас*, 1: 105–130.
- Arnason J. (2022) The Totalitarian Schism: Alternative Modernities of the Twentieth Century. *Neprikosnovenny Zapas*, 1: 105–130 (in Russian).
- Браславский Р.Г., Козловский В.В. (2021) Цивилизационное измерение структурирования обществ. *Социологическое обозрение*, 20(1): 148–175.
- Braslavskiy R.G., Kozlovskiy V.V. (2021) The Civilizational Dimension of the Structuring of Societies. *Russian Sociological Review*, 20(1): 148–175 (in Russian).
- Лахман Р. (2016) *Что такое историческая социология?* М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Lachmann R. (2016) *What is Historical Sociology?* Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhIGS (in Russian).
- Летняков Д.Э. (2018) Советское как имперское: попытка проблематизации. *Политика и общество*, 1: 62–71.
- Letnyakov D.E. (2018) Soviet as Imperial: An Attempt of Problematicization. *Politika i obshchestvo* [Politics and Society], 1: 62–71 (in Russian).
- Лукин А.В. (2023) Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе. *Российское китаеведение*, 2(1): 71–99.
- Lukin A.V. (2023) The Concepts of "Sinification of Marxism", a "New Form of Human Civilization" and "Civilization State" in Modern Chinese Ideological Discourse. *Rossiiskoe kitaevedenie* [Russian China Studies], 2(1): 71–99 (in Russian).
- Манн М. (2018a) *Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э.* М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Mann M. (2018a) *The Sources of Social Power. Vol. 1. A History of Power from the Beginning to AD 1760*. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhIGS (in Russian).
- Манн М. (2018б) *Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы.* М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Mann M. (2018b) *The Sources of Social Power. Vol. 3. Global Empires and Revolution, 1890–1945*. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhIGS (in Russian).
- Мартин Т. (2011) *Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939.* М.: РОССПЭН.
- Martin T. (2011) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Масловский М.В. (2025) Спор о цивилизационном подходе: эссенциализм, конструктивизм и современная историческая социология. *Социологические исследования*, 5: 80–89.

Maslovskiy M.V. (2025) The Debate on the Civilizational Approach: Essentialism, Constructivism and Contemporary Historical Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 5: 80–89 (in Russian).

Миллер А.И. (2024а) Проблемы российского федерализма и «реабилитация» империи. *Россия в глобальной политике*, 22(6): 74–86.

Miller A.I. (2024a) The Problems of Russian Federalism and “Rehabilitation” of Empire. *Rossiya v global’noi politike* [Russia in Global Politics], 22(6): 74–86 (in Russian).

Миллер А. (2024b) Российская империя и Советский Союз — диалектика разрыва и преемственности. *Quaestio Rossica*, 12(1): 339–352.

Miller A. (2024b) The Russian Empire and the USSR — Dialectics of Rupture and Continuity. *Quaestio Rossica*, 12(1): 339–352 (in Russian).

Остерхаммель Ю. (2024) *Преображение мира. История XIX столетия. Т. II: Формы господства*. М.: Новое литературное обозрение.

Osterhammel J. (2024) *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century. Vol. 2. Forms of Domination*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Терборн Й. (2015) *Мир: руководство для начинающих*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Therborn G. (2015) *The World: Beginners’ Guide*. Moscow: Izdatel’skii dom Vysshei shkoly ekonomiki (in Russian).

Титаренко Л.Г. (2022) Восточноазиатский модерн в цивилизационной концепции Йохана Арнасона. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(2): 80–95.

Titarenko L.G. (2022) Eastern Asian modern in the civilizational concept of Johann Arnason. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(2): 80–95 (in Russian).

Arnason J.P. (1993) *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model*. London: Routledge.

Arnason J.P. (2020) *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. London: Rowman and Littlefield.

Berger S., Miller A. (2015) Introduction: Building Nations in and with Empires — a Reassessment. In: Berger S., Miller A. (eds.) *Nationalizing Empires*. Budapest: CEU Press: 1–30.

Bettiza G. (2014) Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a “Civilizational Politics” Line of Research. *International Studies Review*, 16(1): 1–28.

Bettiza G., Lewis D. (2020) Authoritarian Powers and Norm Contestation in the Liberal International Order: Theorizing the Power Politics of Ideas and Identity. *Journal of Global Security Studies*, 5(4): 559–577.

Hale H., Laruelle M. (2020) Rethinking Civilizational Identity from the Bottom up: A Case Study of Russia and a Research Agenda. *Nationalities Papers*, 48(3): 585–602.

Hale H., Laruelle M. (2021) A New Wave of Research on Civilizational Politics. *Nationalities Papers*, 49(4): 597–608.

Katzenstein P. (2012) China's Rise: Rupture, Return or Recombination? In: Katzenstein P. (ed.) *Sinicization and the Rise of China: Civilizational Processes Beyond East and West*. New York: Routledge: 1–38.

Knöbl W. (2010) Path Dependency and Civilizational Analysis: Methodological Challenges and Theoretical Tasks. *European Journal of Social Theory*, 13(1): 83–97.

Kumar K. (2017) *Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World*. Princeton: Princeton University Press.

Kumar K. (2022) What Can the Chinese Experience of Empire Tell Us about the Belt and Road Initiative? *Theory and Society*, 51(5): 729–760.

Kumar K. (2025) The Chinese Empire in Comparative Perspective. *Russian Sociological Review*, 24(4): 37–61.

Malinova O. (2020) “Nation” and “Civilization” as Templates for Russian Identity Construction: A Historical Overview. In: Mjør K., Turoma S. (eds.) *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media, and Academia*. Abingdon: Routledge: 27–46.

Mann M. (2003) *Incoherent Empire*. London: Verso.

Pines Y. (2025) The Preconceived Empire: China's Imperial Experience and Its Current Relevance. In: Dunaj L., Sigurðsson G. (eds.) *Imaginary Worlds and Imperial Power: The Case of China*. Albany: State University of New York Press: 119–144.

Spohn W. (2001) Eisenstadt on Civilizations and Multiple Modernity. Review Essay. *European Journal of Social Theory*, 4(4): 499–508.

Spohn W. (2010) Political Sociology: Between Civilizations and Modernities. A Multiple Modernities Perspective. *European Journal of Social Theory*, 13(1): 49–66.

Therborn G. (2021) States, Nations and Civilizations. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 14(2): 225–242.

Turoma S., Mjør K. (2020) Introduction: Russian Civilizationism in a Global Perspective. In: Mjør K., Turoma S. (eds.) *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. Abingdon: Routledge: 1–26.

CONTEMPORARY HISTORICAL SOCIOLOGY AND THE CONCEPT OF CIVILIZATIONAL POLITICS

Mikhail V. Maslovskiy (maslovski@mail.ru)

Sociological Institute of the RAS — Branch of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

Citation: Maslovskiy M. (2026) Contemporary historical sociology and the concept of civilizational politics. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 7–23 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.1> EDN: FDDRZZ

Abstract. Contemporary civilizational analysis is a dynamically developing approach in historical sociology. This perspective emphasizes the importance of both civilizational and imperial legacies in contemporary societies. Johann Arnason points out that empires depend to a considerable extent on civilizational premises. At the same time, imperial imaginaries can influence processes of modernization. The article examines leading approaches in the historical sociology of empires, focusing on the ideas of Michael Mann and Krishan Kumar. Whereas Mann emphasizes the structural factors shaping imperial dynamics, Kumar explores the role of ideologies and notions of a distinctive imperial mission, bringing his approach closer to civilizational analysis. The article also examines the influence of civilizational analysis on political sociology. As Willfried Spohn shows, different civilizational foundations and frameworks give rise to diverse programs of political modernity and processes of political modernization. The concept of “civilizational politics” is discussed as a new approach to the study of international relations. The article identifies limitations of constructivist approaches to civilizational identity and politics and proposes combining sociological civilizational analysis with the concept of civilizational politics as a more productive approach. The final section reviews different interpretations of the role of imperial legacies and the foundations of civilizational politics in Russia and China. In particular, it notes that the Confucian tradition in contemporary China complements “Sinicized Marxism”, while elements of a new civilizational identity are also taking shape.

Keywords: historical sociology, empire, civilization, modernity, civilizational politics, Russia, China

Acknowledgments

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-01067-P, <https://rscf.ru/project/23-18-01067-P/>.